

**Елена
Михалкова**

Детективы Елены Михалковой:

Знак истинного пути
Время собирать камни
Дом одиноких сердец
Темная сторона души
Жизнь под чужим солнцем
Остров сбывшейся мечты
Водоворот чужих желаний
Рыцарь нашего времени
Призрак в кривом зеркале
Танцы марионеток
Улыбка пересмешника
Дудочка крысолова
Манускрипт дьявола
Иллюзия игры
Золушка и дракон
Алмазный эндшпиль
Восемь бусин на тонкой ниточке
Комната старинных ключей
Котов обижать не рекомендуется
Кто убийца, миссис Норидж?
Тайна замка Вержи
Пари с морским дьяволом
Охота на крылатого льва
Нежные листья, ядовитые корни
Черный пудель, рыжий кот,
или Свадьба с препятствиями
Бумажный занавес, стеклянная корона
Пирог из горького миндаля
Закрой дверь за совой
Нет кузнечика в траве
След лисицы на камнях
Кто остался под холмом
Человек из дома напротив
Самая хитрая рыба
Прежде чем иволга пропоет
Ваш ход, миссис Норидж
Тот, кто ловит мотыльков
Лягушачий король

Елена Михалкова

Рыцарь
нашего
времени

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Дизайн обложки — *Екатерина Елькина*

Михалкова, Елена Ивановна.

М69 Рыцарь нашего времени : [роман] / Елена Михалкова. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 352 с. — (Идеальный детектив).

ISBN 978-5-17-117880-2

К частному сыщику Сергею Бабкину обращается за помощью человек, который называет себя Ланселотом. Он очень похож на рыцаря нашего времени, только проблемы у него не рыцарские: вокруг него необъяснимым образом меняется пространство.

Разве такими вещами должен заниматься сыщик?!

Но на его глазах Ланселот погибает...

И Сергей берется за расследование этого странного убийства, даже не подозревая, что это тоненькая ниточка от огромного клубка, который называется Прошлое.

А в клубочке так много зависти, ненависти, обмана и непрощенных обид.

Рыцарь блекнет и теряет лицо, а маленький незаметный Паж подхватывает рыцарское знамя, чтобы достойно нести его дальше.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117880-2

© Михалкова Е.
© ООО «Издательство АСТ», 2022

И одним только был я недоволен, дописав последнюю строку, — тем, что самому непроницательному читателю быстро стало бы очевидным, кто преступник в этой странной истории.

Э. Лири.

«Тот, кто спрятался за тисом»

ГЛАВА 1

Нестандартный клиент — так сказал Макар. Но объяснять, в чем именно заключается нестандартность, не пожелал, ограничившись коротким «сам увидишь». И, как обычно, оказался прав, хотя Сергей с недоверием отнесся к его диагнозу, поставленному после короткого телефонного разговора.

Гость наклонил голову, прищурился, и Сергей подумал, что тому не хватает секиры и шлема. «Получился бы гном, настоящий рыжий гном. Один взмах секирой — одна голова долой». Силотский взглянул на него, и Бабкин отогнал дурацкие мысли: нужно работать, а не фантазировать.

На самом деле Дмитрий Арсеньевич походил не на гнома, а на русского богатыря, поскольку был высок и статен. Вместо полагавшейся кольчуги на нем была короткая кожаная куртка-косуха, которую он не снял, даже войдя в квартиру, и кожаные же штаны — старые, с благородными потертостями на коленях. Шлем Лан-

селот положил на стол, и тот отсвечивал красноватым светом, когда из-за весенних темных туч проглядывало солнце и лучи падали на блестящую поверхность.

Крепко сбитый, широкоплечий, с рыжими волосами, бородой и курчавыми бакенбардами, обрамлявшими его широкое загорелое лицо так, что, казалось, оно выглядывает из рамки, Дмитрий Арсеньевич с порога сообщил, что его можно называть Ланселотом, потому что с пятого класса его по-другому не зовут. Он вообще быстро перехватил инициативу, без подсказок разобрался, кто из двоих Сергей Бабкин, а кто Макар Илюшин, выбрал себе не стул, на который обычно сажали клиентов и который Макар именовал инквизиторским, а удобное кресло, не поленившись передвинуть его от окна к столу. «Неприужденный товарищ», — подумал Бабкин, рассматривая гостя. Пока он еще был гость — не клиент, и неизвестно, перейдет ли во вторую категорию. В этом вопросе все зависело от Илюшина, который внимательно слушал Силотского, время от времени покашливая и морщась — на апрельском ветру он простудил горло, к врачам идти категорически отказался и лечился какими-то пастилками — без малейшего успеха.

Они уже знали, что сидящий перед ними веселый рыжий бородач, прикативший на мотоцикле, — глава компании «Броня».

— Двери я выпускаю, бронированные двери, — говорил Дмитрий, наклонившись к Макару и рисуя для убедительности указательным пальцем прямоугольник в воздухе. — Хорошие, скажу честно. И ставлю разнообразные охранные сигнализации, от незамысловатых до самых сложных. За пять лет с нуля фирму поднял, теперь думаю, что дальше делать. Надоедает на одном месте сидеть, одним делом заниматься. Кем я только не был!

Ланселот начал загибать пальцы, поросшие красноватыми волосками.

— Начал я с того, что в театре «кушать подано» говорил. Хотел актером стать, да быстро раздумал.

— Что вы заканчивали? — поинтересовался Макар.

— Театральное училище в Нижнем. Пока учился, освоил фортепьяно, гитару, тромбон... В общем, на чем угодно могу помаленьку играть. Говорят, неплохо получается. В театре повертелся, принялся и решил бросать это дело, пока не затянуло. Устроился лабухом в ресторанчике. Ох, и лихо мы тогда играли! — Силотский довольно усмехнулся в бороду. — Деньги начали зарабатывать, а на самом пике я снова не выдержал — бросил группу, устроился — вы не поверите! — грузчиком. Ей-богу, не вру! Захотелось себя попробовать, силу свою, что ли... Ну да идиотское это занятие я бросил через неделю, подался на юга с археологической экспедицией. Им как раз люди нужны были. Интересно до чертиков! А затем вернулся — и официантом в ресторан.

— Эх, как вас пошвыряло, — не удержался Сергей.

— Нет, это не меня швыряло, — покачал головой человек, называвший себя Ланселотом. — Это я сам себя швырял. Я, знаете, с юности чувствовал, что не могу долго на одном месте находиться, душно мне становится, тяжело. Как будто трясина засасывает, стоит осесть где-нибудь. Потихоньку научился всякие подсказки из воздуха ловить. И ведь ни разу они меня не обманули!

— Какие подсказки из воздуха?

Гость задумался, но ненадолго, и поднял на Макара веселые голубые глаза.

— Раз про официанта речь зашла, скажу вот что: трудился я в «Нимфе», это был ресторанчик полубандитского пошиба с соответствующей клиентурой. Если и захаживали туда люди приличные, то исключительно по незнанию, и второй раз возвращаться не торопились. Хотя кухня была отменная, да и нас, официантов, вышколили так, что все по струнке перед клиентами

ходили. Сколько я там типажей насмотрелся, каких разговоров наслушался — об этом можно отдельную книгу написать. Может, когда и напишу. Так вот, работал я там, и на чаевых неплохо жил. Откладывал помаленьку — была у меня одна задумка... Ну да сейчас не о том. Я для себя так решил: еще полгода продержусь — и буду что-то новое подыскивать. А в тот вечер несу заказ — как сейчас помню, котлету по-боярски заказали, — и возле одного столика нога у меня — раз! — и едет по полу. Там, оказывается, кто-то случайно плеснул воды, а убрать не успели. Чувствую, сейчас упаду на клиента, и котлетка моя будет у него за шиворотом.

— Упали?

— Удержался! — с гордостью ответил бородач. — И тарелку удержал, как циркач, ей-богу. Так ловко сманеврировал — клиент на меня и внимания не обратил. Я возле него задержался и слышу, он говорит приятелю: хватит баловаться, иначе у нас с тобой могут быть кривые проблемы. Слово-то какое подобрал неподходящее, царапающее — «кривые»! И, знаете, мне показалось, будто он мне это говорит. Даже не по себе стало. Обслуживаю я другие столики и чувствую — колотит меня, руки трясутся. Паршиво-препаршиво, и в голове крутится: «иначе у нас с тобой могут быть кривые проблемы». И так на меня это подействовало, что я не выдержал: остановился возле одного клиента, который собирался стопочку перед салатом опрокинуть, вынул у него рюмку из рук и выпил сам. До того мне паршиво стало.

— Вас должны были расстрелять на месте, — рассмеялся Макар.

— Это точно! Метрдотель потом кричал: «Ты что же, сволочь, до кухни не мог подождать?! Я б тебе там лично налил, раз невтерпех!» А что я ему объяснил бы? Что у меня в животе словно гирию свинцовую уронили после того, как я слова того мужика услышал? В общем, рас-

стрелять не расстреляли, но вышибли, конечно, пинком под зад.

— Полагаю, вы не очень огорчились? — полюбопытствовал Илюшин, приглядываясь к возможному клиенту. — У меня как-то не вяжется ваш облик с образом официанта. Отчего вдруг вы решили поработать в ресторане? Из интереса, изучать типажи посетителей?

— Так и у меня не вязался! — хохотнул Силотский. — Нет, не для интересу, признаюсь. Это я себя испытывал — смогу через такое испытание пройти или нет. Испытание — потому что мне, признаться, не по вкусу других обслуживать, а в те годы я и вовсе считал это унижением. С возрастом-то поумнел, конечно... А тогда мне пришлось себя заставлять, и я даже некоторое удовольствие стал находить в том, чтобы угождать другим. Что-то вроде игры с самим собой, знаете... Но закончилась моя игра после той выходки с водкой!

— И что же было потом, после того как вас уволили? — спросил Бабкин, с интересом слушавший рассказ.

— А потом вот что, — посерьезнел Силотский. — На следующий вечер, как раз когда моя смена была, остановились три джипа возле «Нимфы». Вышли из них люди с автоматами, зашли в ресторан и постреляли.

— В воздух, попугать, или...?

— Кто в воздух, а кто «или». Восемь трупов вынесли потом из «Нимфы», из них четверо официантов. Вот так-то! Хозяин ресторана кому-то не угодил, я уж в этом не разбирался. С тех пор я к таким подсказочкам ой как серьезно отношусь! Они, можно сказать, всю мою жизнь направляют.

— Вы поэтому обратились к нам? — проницательно спросил Макар.

Силотский бросил на него быстрый взгляд и кивнул.

— Да. Меня многие считают странным — вроде как несолидно бизнесмену косить под байкера и увлекаться

фантастикой. — Он улыбнулся во весь рот, пожал плечами. — Ну что ж поделать, вот такой я человек. Мои сотрудники про меня думают, что я слегка чокнутый, а я на них смотрю и не понимаю: как можно такой скучной жизнью жить? Каждый день десять лет подряд одно и то же — ну и кто после этого чокнутый, я или они?

— А почему они так считают? — не понял Сергей. — Из-за мотоцикла? Из-за того, что профессии часто меняли?

— Да нет, — поморщился Силотский. — Объясню: я с детства люблю читать. Раньше все подряд глотал, а лет восемь назад подсел, как сейчас принято выражаться, на фэнтези и фантастику. И в один прекрасный момент вдруг понял: это ж все правда!

— Что — правда? — осторожно уточнил Бабкин.

— Да все, что в книгах описано. В хороших, само собой. Ничего там авторы не выдумывают, а списывают, как говорится, с натуры.

В комнате повисло молчание. Силотский безмятежно смотрел то на одного сыщика, то на другого, ожидая их реакции. Сергей подумал было, что их клиент действительно нестандартен в том смысле, насколько нестандартны могут быть шизофреники, но в следующую секунду признал, что Дмитрий Арсеньевич на сумасшедшего ничуть не похож.

— Вы хотите сказать, что существует мир Дозоров, который описывает Лукьяненко? — совершенно серьезно спросил Макар. — И существует не потому, что его описал хороший фантаст, а изначально, сам по себе?

— Именно! И Тайный Город Вадима Панова — тоже! — обрадованно подхватил Силотский, довольный тем, что его так быстро поняли. — Вот что хотите со мной делайте, а я знаю наверняка: есть он, есть. Некоторым людям дано видеть кое-что... особенное. Если среди таких людей попадается писатель, он начинает описывать то,

что увидел или почувствовал. Так и получается фэнтези. Вы же не будете отрицать, что мир Среднеземья существует? Конечно же, Толкиен его не выдумал, а срисовал практически с натуры, но с натуры, видимой лишь ему одному!

«Толкиенутый, — поставил Бабкин свой собственный диагноз. — В свободное от бронированных дверей время бегают по лесам и отлавливают эльфов. Ролевик».

— Вот только не нужно причислять меня к ролевикам, — немедленно попросил рыжебородый, словно прочитав его мысли. — Эти суррогаты мне не интересны. Мне достаточно чистого знания о том, что рядом с нами существуют параллельные миры, и этих миров неисчислимое множество.

— У вас есть какие-то доказательства, кроме голоса интуиции? — заинтересовался Илюшин.

— Как вы думаете, почему Вадим Панов недавно сменил квартиру? — в ответ огорошил его Силотский. — Отличную просторную квартиру в хорошем районе... Почему, а? Да потому, что рассказал то, что не стоило рассказывать. Навы не любят, когда рассекречивают их адреса, а Панов в своих книгах не удержался и был откровенен, слишком откровенен.

— Вы хотите сказать, — медленно спросил Бабкин, — что писателя Вадима Панова преследуют те, кого он описывает? Дмитрий Арсеньевич, вы серьезно?

— А вы знаете, что его машина увешана артефактами? — усмехнулся тот. — Настоящими артефактами, дающими защиту в том числе и от проникновения. Почему, вы думаете, никто не смог ее угнать? Хотя пытались, я знаю точно, пытались неоднократно! Нет, Панов знает, о чем пишет.

Бабкин пригляделся к Силотскому внимательнее, надеясь уловить в его глазах нездоровый блеск или хотя бы намек на одержимость, но перед ним сидел спокой-

ный улыбающийся человек, производивший впечатление вполне здравомыслящего.

— Так, — помолчав, сказал Макар. — Давайте вернемся к причине, по которой вы обратились к нам.

— Жамэ вю. Это — первая причина.

— Что? — не понял Сергей.

Он взглянул на напарника, но тот понимающе кивнул.

— Вы не думаете, что с этим стоит обращаться к психологам, а не в частный розыск? — спросил Илюшин.

— Уверен. — Силотский потерял бороду, хотел добавить что-то еще, но сдержался. — Вам кажется, что я не в себе? Может быть, это именно та причина, по которой я пришел к вам, а не к врачам. Я не уверен, что это — только у меня в голове.

— Прошу прощения, что такое «жамэвю»¹? — не выдержал Бабкин.

— Противоположность «дежавю»², — объяснил Макар, откашлявшись. — Знакомые ситуации кажутся незнакомыми. Человек может тысячу раз ходить одной дорогой, а на сто первый почувствовать, что он никогда не был в этом месте.

— Вот-вот, вы все правильно объяснили, — обрадовался Дмитрий Арсеньевич. — Это именно то, что происходит со мной. У меня ощущение, что я ставлю мотоцикл на стоянку, но дорога до подъезда — не та, которой я проходил позавчера. Подъезд — не мой, незнакомый. Вроде все то же самое, но я чувствую, что стою в другом месте, где не был раньше.

— Давно у вас это началось?

— Не очень... должно быть, с месяц назад. Я в последнее время размышлял над тем, чтобы продать фирму, — она стала слишком благополучной, катится ровненько по рельсам, которые я для нее проложил, и больше ничего

¹ Жамэ (*франц.* — jamais) — никогда.

² Дежа (*франц.* — déjà) — уже.

не требует. А мне это скучно. Честно говоря, я ждал, как обычно, чего-то вроде подсказки из тех, о которых я вам рассказывал, но подсказки не было, и я решил, что оно и к лучшему: в конце концов, мне тридцать пять лет, и, возможно, уже стоит остепениться. И тут начались эти фокусы с «жамэ вю».

— А мы-то чем можем вам помочь? — не выдержал Бабкин.

— Вы — независимые люди, — не задумываясь, ответил Силотский. — Не пойдете у меня на поводу, потому что я ваш босс. Не будете мне противоречить, как моя жена или друзья, из одного только принципа.

— Мы не можем подтвердить или опровергнуть то, что у вас в голове.

— Вы можете дать объективную оценку: вот на этой улице, товарищ Ланселот, все в полном порядке. Тогда я решу, что у меня и в самом деле началось расстройство, и пойду ко врачу. Но до этого я хочу проверить все-все! К тому же есть еще кое-что, и это — вторая причина, почему я обратился к вам.

— Что? — насторожился Илюшин.

— Мой заместитель пропал два дня назад. Бесследно исчез. Если меня правильно информировали, вы беретесь за розыск пропавших людей, не так ли?

* * *

Сергей Бабкин шел осторожно, сторонясь редких машин, из-под колес которых летела жирная грязь — дорога на этом участке была вся в рытвинах.

— Самому не нравится здесь ходить, — подал голос Силотский, бодро шагавший позади него. — А что делать? Район новый, переехали сюда с женой недавно. Вот и топаю каждый день от стоянки до подъезда, путь срезаю.

Бабкин злился про себя на роль, навязанную ему Макаром, — Илюшин настоял на том, чтобы напарник прошел до дома с потенциальным клиентом и обратил внимание на все необычное, что попадется по пути. Зачем — не объяснил, и Сергей, старательно осматривая окрестности, теперь чувствовал себя глупо.

Кирпичные новостройки — неплохой район, но совершенно безликий, как и десятки ему подобных. Желтый кубик детского сада, вокруг которого толпятся, нависая, дома. Скромные палисадники, где среди начинающей зелени травы торчат невысокие кустики с красноватыми ветками и тонкие саженцы березок и рябин. Рекламный щит с девушкой, улыбающейся отбеленной улыбкой. Магазины под вывеской «Мини-маркет», а рядом с ним химчистка. Все стандартно, все как обычно, и ничего не привлекает внимания, кроме бездомной дворняги, лежащей на асфальте, разрисованном мелкими неумелой детской рукой.

— Каждый день вижу эту собаку — ее подкармливают жильцы и дворник, — глухо сказал сзади Дмитрий Арсеньевич. — И всю последнюю неделю мне кажется, что они кормят другого пса, а не того, первого. Я понимаю, что этого не может быть, но ничего не могу с собой поделать. Он отзывается на кличку... и выглядит так же...

Бабкин бросил изучающий взгляд на пса, но промолчал.

— Может быть, один из тех соседних миров, о которых я вам говорил, приоткрывается и мне? — задумчиво бормотал Силотский в рыжую бороду. — Черт возьми, неужели это и в самом деле та подсказка, которой мне так не хватало? И зря я впутываю вас в это дело...

«Зря, конечно, — подумал Сергей, но благоразумно промолчал. — Тебе бы врача впутывать, а не частных сыщиков».

— Но Вовка... Вовка-то пропал! — продолжал Дмитрий Арсеньевич. — Что прикажете с этим делать?

— Думаете, ушел в параллельный мир? — не сдержался Бабкин.

Бородач в ответ хохотнул, ничуть не обидевшись, покачал головой.

— Вовка не из таких. Такой в параллельный мир не уйдет, даже если перед ним открыть дверь. Он, как и мой хороший друг Дениска Крапивин, — человек без фантазии. Ни капли воображения нет! Пытался я ему что-то объяснить, показать — бесполезно. Но мужик он отличный, просто замечательный.

Сергей остановился, посмотрел на Силотского. Приняв его взгляд за одобрение, тот начал, жестикулируя, рассказывать о своем заместителе и дошел до какой-то забавной истории, приключившейся с ними перед последними праздниками, но тут пес возле подъезда встал, потянулся, далеко вытянув передние лапы, и потрусил к соседнему подъезду. Проследив за ним взглядом, Ланселот оборвал свой рассказ, и улыбка исчезла с его лица.

— Не мог Володька просто так исчезнуть, — сказал он, прямодушно глядя на Бабкина яркими голубыми глазами. — Ей-богу, не мог! Он человек хороший, порядочный, хоть и бука известная. Что-то с ним случилось... Макар Андреевич — дельный специалист, правда ведь?

— Очень, — искренне ответил Сергей, внутренне ухмыльнувшись «дельному специалисту». — Дмитрий Арсеньевич, где ваш подъезд?

— Да вот он, мы почти пришли. — Силотский показал на выкрашенную в ярко-зеленый цвет дверь.

— И у вас по-прежнему есть это ощущение... жамэвю?

— Нет, сейчас исчезло. Возможно, это оттого, что мы с вами разговаривали.

— Возможно. Ну что же, давайте посмотрим на вашу квартиру.